

Развѣдка летучаго отряда на протяженіи 2,000 верстъ.

(Продолженіе ¹⁾).

27-го апрѣля отрядъ, простившись съ гостепріимнымъ Хунчунскимъ гарнизономъ, тронулся въ путь.

Подойдя къ мѣсту переправы, мы увидѣли широкую рѣку сажень 100 шириной, съ довольно быстрымъ теченіемъ; брода черезъ Тумень-улу не было, но лошадямъ приходилось плыть не болѣе 100 шаговъ, а такъ какъ погода была теплая, и съ другой стороны переправа всего отряда въ шести челнокахъ заняла бы слишкомъ много времени, было рѣшено переправить на нихъ только сѣдла съ вьюками, одежду, аммуницію вмѣстѣ съ людьми совершенно неумѣввшими плавать и орудія съ зарядными ящиками, при чемъ для перевозки каждаго орудія и ящика нужно было связывать челноки по два; лошадей же съ остальными людьми пустили вплавь.

Не обошлось дѣло безъ небольшого приключенія: многія изъ лошадей батареи, переправившись на корейскій берегъ, вырвались изъ рукъ нижнихъ чиновъ и переплывъ табуномъ обратно на маньчжурской берегъ, поскакали было по направленію къ Хунчуну, но скоро были переловлены и ихъ заставили въ 3-й разъ переправляться черезъ рѣку.

На противоположномъ берегу насъ встрѣтила масса любопытныхъ корейцевъ въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ, полиціймейстеръ г. Кіюна и нѣсколько безоружныхъ корейскихъ солдатъ. Полицій-

¹⁾ См. «Военный Сборн.» № 8.

мейстеръ обратился ко мнѣ съ любезнымъ привѣтствіемъ, сказавъ, что онъ уже зналъ о движеніи нашего отряда въ Кіуонъ; очевидно появленіе наше въ Хунчунъ, сборъ челноковъ на Тумень-улъ, спросъ корейскихъ переводчиковъ — все это указывало о нашемъ движеніи и предупреждало объ этомъ корейцевъ.

Переправа закончилась къ 6 часамъ вечера, а черезъ часъ мы проходили черезъ г. Кіуонъ, на улицы котораго высыпали вѣроятно всѣ его жители, чтобы посмотреть на русскихъ.

Едва мы остановились на бивакъ около города, какъ явилось ко мнѣ нѣсколько корейскихъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ очень порядочно говорилъ по русски. Всѣ они пришли познакомиться съ нами и повидимому выказывали къ намъ расположеніе.

На слѣдующее утро, какъ всегда въ 7 часовъ, мы выступили въ дальнѣйшій путь.

Корейскій офицеръ, говорившій по русски, провожаетъ насъ нѣсколько верстъ, и мы съ нимъ дружелюбно прощаемся. Становится жарко и отрядъ на маломъ привалѣ переодѣваетъ мундиры на гимнастическія рубашки.

Еще на походѣ изъ Нингута въ Хунчунъ я просилъ офицеровъ пользоваться нашими длинными переходами для бесѣдъ съ нижними чинами объ обязанностяхъ развѣдчиковъ, дозорныхъ и вообще обо всемъ, что было полезно специально для нашей задачи, а также вести такого рода разговоры съ нижними чинами, которые имѣли бы цѣлью укрѣпить ихъ довѣріе къ намъ офицерамъ; но эти бесѣды туго прививались. За то наша слабая подготовка къ походу и критика дѣйствій начальства явились излюбленной темой офицерскихъ разговоровъ, которые часто происходили при нижнихъ чинахъ.

Воспользовавшись остановкой на маломъ привалѣ, я собралъ офицеровъ и въ болѣе категоричной формѣ высказалъ; что положительно не умно при условіяхъ нашего похода заниматься только критикой и пересудами и не прилагать съ своей стороны всѣхъ усилій для того, чтобы способствовать успѣху предпріятія. Я почувствовалъ, что со времени моего обращенія къ офицерамъ я пересталъ быть для нихъ товарищемъ и сталъ исключительно начальникомъ; но что дѣлать, это было необходимо.

У Дуксана насъ встрѣтилъ фуражировочный развѣздъ и на мѣстѣ выбраннаго имъ бивака мы нашли уже собранные для отряда запасы продовольствія.

29-го апрѣля. Переходъ въ Херіенъ. На пути къ нему находится г. Хайенгъ, въ которомъ расположенъ баталіонъ корейскихъ

войскъ. Баталіономъ этимъ командуетъ полковникъ, научившійся ратному дѣлу у нашихъ инструкторовъ въ Сеулѣ.

При приближеніи отряда къ Хайенгу корейскій полковникъ верхомъ на меленькой лошаdkѣ встрѣчаетъ насъ вмѣстѣ съ полуротой, которая, выстроившись вдоль дороги, беретъ по командѣ на русскомъ языкѣ на караулъ, а затѣмъ съ пѣнями сопровождаетъ насъ въ городъ.

Рѣшено остановиться въ Хайенгѣ на большой привалѣ. Командиръ баталіона приглашаетъ офицеровъ отряда къ себѣ въ домъ, который, имѣя откидныя стѣнки, напоминаетъ собой карточный домикъ. Здѣсь полковникъ знакомитъ насъ со своими 3-мя офицерами и потчуетъ какой то сушеной рыбой, рисомъ, морскою капустой, вареной курицей и русскою водкой, которой онъ отдаетъ должную дань.

Улучивъ удобную минуту, я спрашиваю его объ интересующихъ меня вопросахъ: о состояніи путей, количествѣ продовольствія и объ имѣющихся свѣдѣніяхъ о японцахъ. Въ искренность и симпатію полковника къ русскимъ кажется можно вѣрить, а потому надѣюсь получить отъ него полезныя свѣдѣнія; но онъ заминаетъ этотъ разговоръ и только вскользь говоритъ, что японцевъ ближе Пукченъ въ настоящее время нѣтъ.

Простившись съ полковникомъ, мы идемъ дальше; по дорогѣ приходится брать два довольно трудныхъ для нашей артиллеріи перевала. Къ Херіену подходимъ, когда уже совершенно стемнѣло. У воротъ города съ фонарями въ рукахъ насъ ожидали городскія власти, масса любопытныхъ какъ всегда и люди нашего фуражировочнаго развѣзда. По кривымъ и узкимъ улицамъ мы проходимъ черезъ весь городъ къ нашему биваку, гдѣ располагаемся при свѣтѣ костровъ.

На слѣдующій день рѣшено сдѣлать дневку.

1-го мая. Такъ какъ на телеграмму, посланную изъ Хунчуна въ округъ, никакого отвѣта мы не получали, несмотря на то, что послѣ ея отправленія отрядъ двое сутокъ пробылъ въ Хунчунѣ, я имѣлъ основаніе придти къ заключенію, что намѣреніе наше свернуть на приморскую дорогу было начальствомъ одобрено, а потому изъ Херіена рѣшено было идти на Кенгшенгъ¹⁾. Но чтобы не оста-

¹⁾ Только по возвращеніи изъ развѣдки въ іюль мнѣ вручена была телеграмма, посланная изъ Харбина 9-го мая, въ которой начальникъ штаба округа писалъ мнѣ: «Вамъ указана дорога, съ которой не можете сходить, какъ часовой съ своего поста. Начальникъ округа приказалъ не мѣнять даннаго Вамъ направленія».

вить направленія Херіенъ—Мусанъ и Капсанъ-Пукченъ неосвѣщеннымъ я рѣшилъ выслать: 1) изъ Херіена офицерскій разъѣздъ, силою взводъ, на Мусанъ и оттуда на присоединеніе къ отряду въ Кенгшенгъ и 2) изъ Пурьенга такой же разъѣздъ впередъ по нашему пути слѣдованія до Кильчжю, оттуда на Капсанъ-Ойенъ.

Посылка этихъ двухъ разъѣздовъ, а не одного на Мусанъ-Капсанъ-Пукченъ мотивировалась во-первыхъ желаніемъ обследовать возможно большее число путей въ направленіи отъ берега моря вглубь Кореи, дабы при движеніи отряда по приморской дорогѣ и въ случаѣ десанта непріятеля въ тылу отъ насъ, мы были бы вполне ознакомлены со свойствомъ этихъ путей, одинъ изъ которыхъ намъ пришлось бы можетъ быть поневолѣ избрать; во-вторыхъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что путь Мусанъ-Капсанъ пролегаетъ по совершенно ненаселенной мѣстности, и я опасался, что даже взводъ конницы будетъ терпѣть въ этомъ районѣ слишкомъ большія лишнія въ отношеніи продовольствія.

Простившись съ разъѣздомъ, отправлявшимся на Мусанъ-Кенгшенгъ подъ командой шт.-ротм. Левицкаго и пославъ еще одно донесеніе въ округъ черезъ китайскаго переводчика, не говорившаго по-корейски, а потому въ услугахъ котораго, какъ переводчика, отрядъ больше не нуждался, мы тронулись въ путь.

Вступаемъ въ полосу лѣсовъ, которые покрыты уже довольно густою листвою; люди стремятся идти въ тѣни, такъ какъ на солнцѣ становится очень жарко; какая разница въ температурѣ теперь и 10 дней тому назадъ на перевалѣ Паалинь!

Вечеромъ на бивакѣ у д. Копунгсани послѣ зари и молитвы отрядъ пропѣлъ нашъ гимнъ. Торжественные его звуки разносятся и эхомъ отдаются въ ущелии. Сознаніе, что въ дебряхъ Кореи стройно раздается наше «Боже, Царя храни», производитъ на насъ всѣхъ сильное впечатлѣніе.

2-го мая. Переваливая черезъ Мусальенгъ, мы обгоняемъ обозъ сотни есаула Л. Нерчинскаго полка. Для насъ, не имѣющихъ колеснаго обоза, перевалъ не труденъ, въ то время какъ лошади въ двуколкахъ этой сотни выбиваются изъ силъ, подымая обозъ въ гору по каменистой дорогѣ.

По приходѣ на бивакъ у г. Пурьенга мы встрѣчаемся съ есауломъ Л. Онъ жалуется, что запасы его, взятые изъ Хунчунскаго караула, истощаются, а на мѣстѣ ничего нѣтъ, тогда какъ наши фуражировочные разъѣзды, высланные, правда, заблаговременно, умудряются достать чумизу и буду ¹⁾ даже для двухдневной по-

¹⁾ Родъ проса, которое встрѣчается въ горахъ Кореи.

требности нашего отряда. Запасшись продовольствіемъ на два дня, мы располагаемся здѣсь на дневку. Правда, что тотъ небольшой запасъ хлѣба, который былъ взятъ нами изъ Хунчуна во вьюкахъ, уже давно вышелъ; дѣлать лепешки, замѣнявшія намъ хлѣбъ когда мы шли по Маньчжуріи, теперь не изъ чего, такъ какъ въ сѣверной Корей нѣтъ муки, а потому приходится вмѣсто хлѣба довольствоваться круто сваренной и остуженной чумизной кашей, не особенно вкусной въ такомъ видѣ.

Цѣны на нѣкоторые продукты были довольно высокія, но при расчетахъ большимъ удобствомъ для насъ являлось то обстоятельство, что корейцы знали стоимость нашихъ кредитныхъ билетовъ, впрочемъ, не больше 10 рублеваго достоинства, и охотно ихъ принимали. Объ этомъ мы были предупреждены еще въ Хунчунѣ, а потому русскія деньги не мѣняли на корейскія. Нашъ рубль корейцы считали равнымъ 5—5½ корейскимъ рублямъ; почти такой же курсъ существовалъ и до войны.

4-го мая. Наканунѣ цѣлый день лилъ дождь; наши палатки изъ дрели, приобретенныя въ Хунчунѣ, хотя и промокали, но все-таки составляли нѣкоторое прикрытіе; расположенія же по квартирамъ рѣшено по возможности избѣгать, чтобы не разбрасываться, такъ какъ въ виду возможности ночного нападенія на отрядъ это не безопасно.

Изъ Пурьенга былъ высланъ разъѣздъ, силою 1 взводъ, подъ командой штабъ-ротмистра Охоцкаго, который направлялся по дорогѣ на Кенгшенгъ-Кильчжю—перевалъ Намшеріенгъ—г. Капсанъ, откуда онъ долженъ былъ снова свернуть на приморскую дорогу къ г. Ойену. Разъѣздъ этотъ долженъ былъ произвести рекогносцировку дороги Кильчжю—Капсанъ, опредѣлить доступна ли она для движенія нашего отряда и ко времени подхода отряда къ Кильчжю дать донесеніе о состояніи самаго труднаго, судя по имѣвшейся у насъ картѣ Кореи, участка г. Кильчжю—д. Хянпёнъ. Въ зависимости отъ этого донесенія, отрядъ могъ: или слѣдовать за разъѣздомъ на Капсанъ, или идти все время по береговой дорогѣ на Пукченъ, въ окрестностяхъ котораго Охоцкій долженъ былъ къ намъ присоединиться, имѣя въ виду, что при непроходимости для нашей артиллеріи участка Кильчжю—Хянпёнъ, а слѣдовательно при движеніи отряда на Пукченъ береговой дорогой, я рассчитывалъ быть у Юона 14-го мая.

5-го мая. Слѣдующій переходъ отряда былъ не болѣе 20 верстъ, изъ д. Шюшенъ въ Кенгшенгъ. Кенгшенгъ, главный городъ провинціи Сѣверн. Хамгюндо и резиденція ея губернатора, по своимъ размѣрамъ довольно значительный, обнесенъ высокой каменной стѣ-

ной съ башнями, внѣ которой расположились мѣстами обширныя предмѣстья. Тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ стать за городомъ на лужайкѣ, такъ какъ въ городѣ грязь и вонь, хуже еще чѣмъ въ корейскихъ деревняхъ. Въ 2—3 верстахъ отъ города тянется берегъ моря, и мы поглядываемъ туда, не видать ли тамъ японскихъ кораблей.

Губернаторъ подъ различными предлогами уклоняется отъ моего посѣщенія, что объясняется тѣмъ, что его братъ министръ въ Сеулѣ своимъ положеніемъ обязанъ японцамъ.

За то намъ даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія офицеры сотни Нерчинцевъ, которая здѣсь стоитъ уже болѣе мѣсяца и связана летучей почтой съ Посьетомъ. Они сообщили намъ о нашихъ неудачахъ подъ Тюренченомъ; затѣмъ передали, что отъ ихъ сотни вначалѣ апрѣля выслался на г. Шенгджинъ разъѣздъ подъ командой есаула Радаца, который разрушилъ тамъ телеграфную станцію и сжегъ японскій кварталъ города.

Радацъ скептически относится къ цѣлесообразности дальнѣйшаго движенія артилеріи нашего отряда и говорить, что она насъ только стѣснитъ.

Въ Кенгшенгѣ, гдѣ отрядъ провелъ слѣдующій день на дневкѣ, при осмотрѣ матеріальной части артилеріи, было обнаружено, что 2-хъ-дюймовое желѣзо, шириною въ 2 вершка стебля шворневой воронки лафета, надломилось въ изгибѣ на $\frac{1}{8}$ толщины; хорошо, что есть запасный стебель.

На дневкѣ, къ намъ присоединился разъѣздъ штабсъ-ротмистра Левицкаго, бывшаго въ Мусанѣ. Отношеніе жителей къ разъѣзду было доброжелательное, но въ виду бѣдности населенія едва для разъѣзда можно было получить провіантъ и фуражъ.

Воспользовавшись летучей почтой нерчинцевъ, связывавшей Кенгшенгъ съ Посьетомъ, я написалъ одно донесеніе начальнику округа для передачи изъ Посьета по телеграфу, а другое по почтѣ.

7-го мая. За Кенгшенгомъ движеніе нашей артилеріи стало все болѣе и болѣе затрудняться; въ долинахъ дорога представляла мѣстами естественное шоссе, такъ гладко было полотно ея, но за то при подъемахъ на горы и спускахъ приходилось идти по узкой тропинкѣ между обломками скаль, при чемъ крутизна подъёмовъ доходила иногда до 30°. Артилерійскія лошади выбиваются изъ силъ; люди батареи совмѣстно съ сотней, назначенной въ помощь артилеріи, втаскиваютъ орудія и зарядные ящики на перевалы и спускаютъ съ нихъ съ огромными усиліями. Командиръ головного отряда доноситъ, что переваль у д. Катунь для повозокъ непроходимъ, тѣмъ не менѣе при энергіи командира батареи и ея людей

удается все-таки преодолѣть это препятствіе, но у всѣхъ зарождается сомнѣніе въ возможности дальнѣйшаго движенія нашей артилеріи по такой мѣстности.

8-го мая. Отрядъ, сдѣлавъ версть 10 отъ мѣста ночлега и дойдя до перевала у д. Уньвони, приостановился здѣсь вслѣдствіе сильнаго утомленія людей и лошадей движеніемъ по крутой гористой мѣстности. Еще у подножія перевала можно было судить о томъ, что одолѣть его будетъ не легко даже пѣшему.

Воспользовавшись остановкой отряда, командиръ батареи призвалъ рекогносцировку той кручи, которая была передъ нами; я также отправился къ вершинѣ перевала.

Оба мы пришли къ убѣжденію, что только съ помощью людей всего отряда наша артилерія съ величайшими усиліями могла бы подняться на переваль. Для насъ обоихъ стало ясно теперь, что дорога, которая считалась наилучшей въ направленіи нашего движенія является для артилеріи все менѣе проходимою, что происходящая отсюда неизбежная медленность движенія нашего отряда не соответствуетъ его идеѣ какъ летучаго, что, двигаясь далѣе, отряду ни на чью помощь рассчитывать уже нельзя и въ случаѣ натиска болѣе сильнаго чѣмъ мы противника, такія горы, какія мы встрѣтили и какія, судя по картѣ, пересѣкали нашъ дальнѣйшій путь слѣдованія, могли поставить нашу артилерію, а слѣдовательно и весь отрядъ въ критическое положеніе.

Отряду приходилось дѣлиться: артилерійскій взводъ съ прикрытіемъ нужно было отправить на присоединеніе къ забайкальцамъ къ Кенгшенгу, а съ остальной частью отряда продолжать развѣдку и исполнить данную задачу. Это рѣшеніе, которое было мною высказано сначала офицерамъ, а затѣмъ нижнимъ чинамъ, съ объясненіемъ побудившихъ къ тому мотивовъ, заставило насъ расположиться у д. Уньвони на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы подготовиться къ предстоявшему раздѣленію отряда.

Настроеніе въ отрядѣ грустное: всѣ проникнуты желаніемъ вмѣстѣ выполнить возложенную на насъ задачу. Въ умѣ проносятся рядъ примѣровъ изъ военной исторіи; вспоминаются Балканы въ кампанію 77—78 гг.; но обстановка тамъ и здѣсь совершенно другая: тутъ небольшой отрядецъ, главная цѣль котораго не бой, а развѣдка, выдвинутый на громадное разстояніе впередъ, предоставленный только своимъ собственнымъ силамъ, долженъ для выполненія своей задачи передвигаться легко и свободно съ мѣста на мѣсто.

Начальникомъ выдѣляющейся части на Кенгшенгъ былъ назначенъ ротмистръ Степанцовъ, которому я далъ инструкцію, около $\frac{1}{3}$ имѣвшагося у меня къ тому времени денежнаго аванса и донесеніе начальнику округа для передачи его въ Кенгшенгъ на летучую почту забайкальцевъ, связывавшую ихъ съ Посыетскимъ отрядомъ.

Въ прикрытіе къ артилеріи была назначена сводная изъ обѣихъ сотенъ полусотня и при ней два офицера, которые приняли это назначеніе съ большой неохотой.

Для продолженія развѣдки у меня оставалось всего 202 человекъ и 232 лошади; къ ротмистру Степанцову выдѣлилось 2 орудія, 125 человекъ и 148 лошадей.

9-го мая. Рано утромъ артилерійскій взводъ съ полусотней, подъ общей командой ротмистра Степанцова, двинулся на сѣверъ, а одновременно съ этимъ остальной отрядъ на югъ. Грустно было на душѣ, приуныли пограничники и долго еще подымаясь въ гору, мы приостанавливались, чтобы передохнуть минутку и издали послать прощальный привѣтъ удалявшемуся на нашихъ глазахъ отряду Степанцова.

Дорога все та же; тѣ же сопки, кручи, перевалы и все тотъ же голый камень. Передъ входомъ въ каждую почти деревню насъ попрежнему встрѣчаютъ корейцы, которые шагахъ въ 50 въ сторонѣ отъ нашего пути слѣдованія, сидятъ въ одну или двѣ шеренги на корточкахъ, въ своихъ бѣлыхъ балахонахъ, съ цилиндрами на головѣ и, молча, съ любопытствомъ разглядываютъ отрядъ. Получается впечатлѣніе, будто они давно поджидаютъ насъ. Нерѣдко мы производимъ осмотръ ихъ; для того, чтобы они не разбѣжались переводчикъ предупреждаетъ ихъ въ нашихъ самыхъ миролюбивыхъ, по отношенію корейцевъ, намѣреніяхъ; послѣ чего кто нибудь изъ офицеровъ подъѣзжаетъ къ нимъ, заставляетъ снять цилиндры и осматриваетъ ихъ лица и волосы.

На привалѣ у г. Менгченъ ко мнѣ таинственно подходитъ кореецъ и шепчетъ, что въ Шенгджинѣ находятся японцы. Я предупреждаю отрядъ объ этомъ, какъ о слухѣ и мы продолжаемъ путь въ ожиданіи засады.

10-го мая. Въ этотъ день мы предполагали остановиться въ г. Кильчжю на большой привалѣ, чтобы воспользоваться здѣсь продовольственными запасами этого города и получить свѣдѣнія о развѣздѣ Охочкаго. Еще не доходя Кильчжю, получено было донесеніе отъ Охочкаго, который писалъ, что дорога Кильчжю-Капсанъ на нѣкоторыхъ участкахъ безусловно непроходима для колеснаго обоза и едва ли проходима даже для вьюковъ. Въ виду этого свѣдѣ-

нія и донесенія Охочкаго о дальнѣйшемъ его движеніи къ Юону на присоединеніе къ отряду и объ отсутствіи японцевъ поблизости Капсана, рѣшено слѣдовать дальше на Юонъ кратчайшимъ путемъ, а именно береговой дорогой.

Въ Кильчжю намъ суждено было провести дневку и вотъ почему.

Мы уже собирались подыматься съ большого привала, какъ какой то кореецъ заявилъ, что онъ слышалъ отъ очевидца о прибытіи наканунѣ трехъ японскихъ пароходовъ въ Кенгшенгъ.

Слухъ этотъ показался намъ маловѣроятнымъ, но, желая удостовериться благополучно ли дошла наша артилерія на присоединеніе къ Забайкальцамъ въ Кенгшенгъ, я рѣшаю провѣрить это свѣдѣніе, для чего тотчасъ же высылаю развѣздъ на Кенгшенгъ въ составѣ 4 Заамурцевъ съ 3-мя заводными лошадьми; развѣздъ долженъ доставить обратное донесеніе отъ Степанцова рано утромъ 12-го въ Кильчжю, откуда мы, пробывъ на дневкѣ 11-го, выступимъ далѣе на Шенгджинъ 12-го.

Въ то же время подозрѣвая, что свѣдѣніе о появленіи японскихъ пароходовъ сообщено намъ съ цѣлью задержать наше движеніе на югъ, я заключаю подъ стражу корейца, сообщившаго намъ этотъ слухъ, и высылаю развѣздъ силою 1 взводъ, подъ командой поручика Булацеля, на Шенгджинъ съ приказаніемъ въ ночь съ 10-го на 11-е мая занять этотъ городъ и, если въ немъ окажется японская телеграфная станція возстановленной, какъ намъ сообщали нѣкоторые корейцы, то разрушить ее. Изъ разспросовъ полиціймейстера г. Кильчжю и корейскаго офицера, случайно находившагося здѣсь, о близости японцевъ ничего положительнаго нельзя было заключить; оба были къ намъ предупредительны и внимательны, а относительно японцевъ отговаривались полнымъ невѣдѣніемъ.

12-го мая. Въ 5 часовъ утра нашъ развѣздъ на Кенгшенгъ, проѣхавъ 210 верстъ меньше чѣмъ въ 39 часовъ, почти все время подъ дождемъ по той тяжелой дорогѣ, по которой отрядъ прошелъ въ одну сторону, доставилъ донесеніе отъ Степанцова о благополучномъ прибытіи его въ Кенгшенгъ и о томъ, что никакихъ пароходовъ тамъ не было замѣчено.

Слухъ, слава Богу, оказался ложнымъ и отрядъ съ легкимъ сердцемъ могъ продолжать дальнѣйшій путь.

Лошади, которыя совершили пробѣгъ (3—монгольской породы 3—забайкальской и 1 томской) были въ сравнительно свѣжемъ видѣ: три дня послѣ пробѣга 5 лошадей изъ 7 стали сѣдлатъ наравнѣ съ прочими, 1 лошадь съ набитой холкой довольно долго

еще ходила въ заводу и только лошадь, ходившая передъ пробѣгомъ подъ вьюкомъ, была продана въ Пукченѣ, въ виду истощенія ея силъ.

Въ 8 часовъ утра, запоздавъ на одинъ часъ противъ обычнаго времени выступленія, отрядъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

У г. Шенгджина съ небольшого перевала передъ нами открывается чудный видъ на море. Необъятная ширь воднаго пространства сливается незамѣтно съ небосклономъ; берегъ моря, преимущественно скалистый, рѣзко выдѣляется на далекое разстояніе отъ голубой глади воды; кое гдѣ изъ ея поверхности вблизи берега торчатъ утесы; внизу у подножія перевала расположенъ городъ и портъ, въ которомъ виднѣются только 2—3 рыбацкія лодки.

Недалеко отъ города мы встрѣчаемъ поручика Булацеля, который докладываетъ, что телеграфная станція, разрушенная въ началѣ апрѣля есауломъ Радаць, не восстанавлилась и признаковъ близости японцевъ нѣтъ. У окраины города насъ встрѣчаетъ миссіонеръ англичанинъ, который исполняетъ здѣсь также обязанности консула; онъ раскланивается съ нами, но такъ какъ никто въ отрядѣ не знаетъ англійскаго языка, на которомъ, по словамъ Булацеля, миссіонеръ только и можетъ объясняться, то мы не заговариваемъ съ нимъ.

За то, по приходѣ на бивакъ, мы съ Булацелемъ идемъ къ секретарю консульства, по происхожденію норвежцу, говорящему нѣсколько по нѣмецки. Секретарь по внѣшности очень внимателенъ къ намъ, но повидимому болѣе склоненъ получить свѣдѣнія про нашъ отрядъ (которыя онъ конечно не получаетъ), чѣмъ сообщить намъ что нибудь полезное, а потому, не добившись отъ него ничего основательнаго, мы идемъ къ губернатору Шенгджина; губернаторъ любезенъ до раболѣпства, но результатъ разговора съ нимъ тотъ же, что и съ норвежцемъ. Видно вліяніе англійскаго миссіонера.

Близость моря, гдѣ господствуютъ японцы, отсутствіе путей во внутрь материка, замѣтная перемѣна въ отношеніи къ намъ администраціи и жителей, сравнительно съ тѣмъ, какое было на пути отъ Хунчуна къ Кенгшенгу, заставляютъ насъ быть начеку: тщательнѣе разставляется на ночлегахъ сторожевое охраненіе, причемъ нерѣдко приходится назначать не взводъ—первоначально принятая норма,—а болѣе, иногда прибѣгаемъ въ высылкѣ съ бивака дозоровъ, верстъ на 5 впередъ по нашему пути слѣдованія; чаще повѣряются посты, не только дежурнымъ офицеромъ и мною, но также командирами сотенъ; офицеры спятъ не раздѣваясь, люди,

имѣя при себѣ вооруженіе, и отдается цѣлый рядъ распоряженій на случай тревоги.

13-го мая, выславъ наканунѣ вечеромъ поручика Булацеля со взводомъ въ г. Танченъ, съ той же цѣлью, съ какой онъ былъ посланъ въ Шенгджинъ, отрядъ выступилъ вслѣдъ за этимъ развѣдомъ.

За Шенгджиномъ дорога втягивается понемногу въ ущелье, становится все хуже и начинается подъемъ на переваль Матерьенгъ, про который еще въ Посьетѣ отъ Корфа и по пути отъ мѣстныхъ жителей, пришлось слышать, какъ объ очень трудномъ перевалѣ. Дѣйствительно своею крутизною, длиною и тяжелою дорогою Матерьенгъ превосходитъ всѣ предыдущіе перевалы. Наконецъ мы на его вершинѣ. Здѣсь дорога, шириною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе 1½ фута, проходитъ по карнизу. Страшно было смотрѣть, какъ одна вьючная лошадь оступилась и полетѣла внизъ, разъ 10 перекувырнувшись въ воздухѣ.

Начинало уже смеркаться, когда отрядъ подходилъ къ Танчену, верстахъ въ 2—3 отъ котораго мы встрѣтили Булацеля, сообщившаго намъ, что у Танчена ни японцевъ, ни ихъ телеграфной станціи нѣтъ.

14-го мая. Въ третій разъ посылаю Булацеля впередъ съ развѣдомъ того же назначенія, какъ и два предыдущихъ, причемъ объектомъ для дѣйствій является гор. Пукченъ, гдѣ по словамъ мѣстныхъ жителей находится баталіонъ корейскихъ войскъ и японскій телеграфъ. Развѣздъ выходитъ за часъ до нашего выступленія, съ расчетомъ произвести захватъ телеграфа передъ разсвѣтомъ 15-го мая.

На переходѣ лежитъ переваль Тонгу-ренгъ, тоже не изъ легкихъ; на вершинѣ его мы оказались среди тучъ, сырость пронизываетъ насъ; спускаемся—чудная погода, и самые живописные виды по берегу моря вплоть до самаго нашего ночлега у д. Унчу.

Одинъ изъ охранниковъ заболѣваетъ гипертрофіей сердца; причиною тому конечно послѣдніе тяжелые перевалы; докторъ говоритъ, что больного слѣдуетъ отправить назадъ, но такъ какъ пускать его одного въ обратный путь небезопасно, то въ видахъ экономіи расхода людей на конвой, рѣшено везти больного на арбѣ до такого пункта, откуда будетъ посылаться донесеніе съ развѣдомъ, который составитъ въ то же время и конвой для больного.

Тяжелые и большіе переходы и случай заболѣванія охранника даютъ поводъ нѣкоторымъ офицерамъ и врачамъ высказаться въ моемъ присутствіи о непосильныхъ трудахъ, которые мы несемъ

на походъ; по неосторожности бесѣдующихъ разговоръ этотъ могутъ слышать нижніе чины. Я снова собираю офицеровъ и говорю, что подобные разговоры, а въ особенности при нижнихъ чинахъ могутъ привести къ упадку духа въ отрядѣ; что же касается до большихъ переходовъ (приблизительно по 50 верстѣ), то въ виду нашего вступленія въ сферу вліянія японцевъ, мы должны для успѣшнаго выполненія развѣдки двигаться быстро, хотя бы это намъ стоило жертвъ.

Проходя г. Гуонъ, я выслалъ унтеръ-офицерскій развѣздъ на Ойенъ, который долженъ былъ передать развѣзду штабсъ-ротмистра Охоцкаго приказаніе присоединиться къ отряду.

Поздно вечеромъ прибыли оба развѣзда — штабсъ-ротмистра Охоцкаго и унтеръ-офицерскій, на бивакъ отряда у д. Унчу. Охоцкій доложилъ о своей рекогносцировкѣ, причемъ оказалось, что развѣзду его пришлось испытать не мало лишений: мѣстныхъ средствъ продовольствія не хватало даже на взводъ, путь вообще былъ очень тяжелъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва допускалъ движеніе лошадей; въ особенности тяжелъ былъ перевалъ черезъ Намшеренгъ, склоны котораго въ то время были покрыты глубокимъ снѣгомъ.

Со стороны мѣстныхъ жителей развѣздъ не замѣтилъ особенной враждебности къ русскимъ, равно какъ и присутствія японцевъ.

Выслушавъ докладъ Охоцкаго и осмотрѣвъ прибывшій развѣздъ, я похвалилъ его за хорошо выполненное порученіе и сравнительно исправное состояніе коней; всетаки три изъ нихъ оказались съ набивками, вслѣдствіе чего пришлось этихъ лошадей замѣнить изъ числа заводныхъ.

15-го мая. Пройдя верстѣ 10 отъ д. Унчу, мы выходимъ къ самому берегу моря. Дальше на протяженіи 2 верстѣ дорога идетъ по узенькой, извивающейся вдоль моря полоскѣ земли, которая съ одной стороны ограничена водой, съ другой отвѣсными скалами. Вдоль берега разбросаны въ видѣ островковъ утесы. Невольно въ голову приходитъ мысль: «А что, если изъ за этихъ утесовъ появится непріятельскій миноносецъ, не сдобровать намъ тогда». Но опасное мѣсто пройдено благополучно.

Не доходя Пукчена, мы встрѣчаемъ Булацеля. Онъ докладываетъ, что еще ночью развѣздъ его прибывъ въ Пукченъ, занялъ телеграфную контору, испортилъ аппараты, захватилъ корреспонденцію, разрушилъ по направленію въ Хамхынгъ телеграфную линію на одну версту, но телеграфистовъ задержать не удалось, такъ какъ они бѣжали; корейскій баталіонъ, въ составѣ 400 солдатъ

враждебности не выказываетъ, но офицеры его повидимому смущены появленіемъ ночью русскаго развѣзда и вообще всѣмъ происшедшимъ.

Еще не успѣлъ нашъ отрядъ расположиться на бивакъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ города, какъ ко мнѣ явился начальникъ корейскаго гарнизона (онъ же командиръ баталіона) съ офицерами. Въ ихъ взглядахъ и словахъ замѣтно что то недосказанное.

Только 17-го мая въ Хонгунѣ мы успѣли разобрать корреспонденцію захваченную въ Пукченѣ; нашъ переводчикъ прочиталъ мнѣ телеграмму отъ японскаго консула въ Гензанѣ начальнику Пукченскаго гарнизона, въ которой консулъ требовалъ, чтобы гарнизонъ встрѣтилъ нашъ отрядъ боемъ. Нужно думать командиръ корейскаго баталіона колебался исполнить ли это приказаніе или нѣтъ, и налетъ развѣзда Булацеля въ глухую ночь, энергичныя его дѣйствія, а затѣмъ походъ отряда рѣшили дѣло въ нашу пользу. Это обстоятельство вѣроятно и являлось причиной смущенія корейскихъ офицеровъ.

Желая отвѣтить на визитъ начальника гарнизона, я иду съ тремя офицерами отряда и переводчиками въ городъ, гдѣ расположены корейскія казармы, нѣсколько продолговатыхъ бараконъ-фанзъ. Въ одной изъ нихъ живетъ командиръ баталіона, который, будучи предупрежденъ о моемъ визитѣ, встрѣчаетъ насъ на порогѣ своей фанзы, въ сопровожденіи корейскихъ офицеровъ.

Во время моего визита начальникъ гарнизона волнуется уже меньше, предлагаетъ угощеніе и любезно бесѣдуетъ съ нами. Среди разговоровъ я высказываю желаніе посмотрѣть ученіе корейскихъ войскъ; командиръ баталіона тотчасъ же идетъ навстрѣчу моему желанію и черезъ пять минутъ около 300 солдатъ отчетливо производятъ ружейные приемы и ломку фронта. Конечно мы все хвалимъ и я, пользуясь благопріятной минутой, отвожу командира баталіона въ сторону и спрашиваю его о японцахъ. Онъ мнѣ отвѣчаетъ, что по близости войскъ ихъ нѣтъ, но что японскіе развѣдчики часто появляются въ Пукченѣ и его окрестностяхъ.

Такимъ образомъ нашъ отрядъ дошелъ до г. Пукчена, который былъ указанъ въ данной намъ инструкціи, какъ конечный пунктъ развѣдки. Тѣмъ не менѣе я считалъ преступленіемъ съ кавалерійской точки зрѣнія возвращаться назадъ, не войдя въ соприкосновеніе съ непріятелемъ и не использовавъ нашего положенія въ относительной близости къ тылу японской арміи, при сравненіи съ пройденнымъ уже нами пространствомъ. Выказавъ этотъ взглядъ

офицерамъ, я приказалъ на 16 мая назначить дневку, а 17-го продолжать движеніе на Хамхынгъ.

17-го мая. За часъ до выступленія отряда я посылаю разъѣздъ подъ командой поручика Крицевскаго для захвата въ ночь на 18 мая телеграфной станціи въ Хамхынгъ и разрушенія телеграфной линіи на Гензань.

У гор. Хонгуона, гдѣ отрядъ остановился на ночлегъ, мы нагнали Крицевскаго, который, будучи здѣсь на большомъ привалѣ, собирався въ это время выступать. Онъ передалъ мнѣ, что полиціи-мейстеръ Хонгуона предупреждалъ его о готовящейся намъ засадѣ на перевалѣ Хонгарьенгъ ¹⁾ и говорилъ, что 400 корейскихъ солдатъ, изъ числа воевавшихъ уже съ русскими войсками, пришли недѣлю тому назадъ изъ Пенъяна въ Хамхынгъ, но по нѣкоторымъ слухамъ часть ихъ три дня тому назадъ ушла въ Гензань.

Я приказываю Крицевскому дать донесеніе въ отрядъ лишь въ случаѣ встрѣчи съ противникомъ, и разъѣздъ продолжаетъ свой путь къ Хамхыngu.

Громадное разстояніе, которое мы прошли отъ Кенгшенга, пункта, гдѣ находилась ближайшая къ намъ поддержка, приближеніе къ непріятелю и сознаніе возможности ночного нападенія на насъ съ разныхъ сторонъ, побудило нѣкоторыхъ офицеровъ высказать мнѣ свое мнѣніе о неудовлетворительности вообще нашего сторожевого охраненія на бивакахъ и необходимости для этой цѣли назначать не менѣе сотни, причемъ нѣкоторые говорили даже, что лошади этой сотни должны быть посѣдланы.

Я горячо протестовалъ противъ этого: «мы не знаемъ», говорилъ я, «что намъ предстоитъ, — можетъ быть нѣсколько ночей подрядъ безъ сна, или усиленная работа для всего отряда, но пока нѣтъ вѣсскихъ данныхъ, которыя бы вызывали необходимость наряда половины отряда на сторожевое охраненіе; нужно беречь людей и лошадей, чтобы не оказаться слабыми, когда нужно будетъ проявить самую интенсивную работу, и безъ того я слышалъ голоса о переутомленіи людей. Если же принять за правило держать хотя бы половину лошадей на ночлегахъ подъ сѣдлами, то черезъ недѣлю мы обратимся въ пѣшую часть».

На вопросъ врача, что же намъ въ случаѣ боя дѣлать съ ранеными, когда у насъ нѣтъ ни носилокъ, ни лазаретной линейки, я отвѣчалъ: «Отрядъ долженъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры для доставки раненыхъ къ арміи, для чего нанимать носильщиковъ».

или арбы, смѣняя ихъ время отъ времени въ попутныхъ населенныхъ пунктахъ, но если по состоянію здоровья раненыхъ они не въ силахъ будутъ слѣдовать за отрядомъ, мы будемъ принуждены оставлять ихъ на попеченіи жителей, хотя бы въ числѣ такихъ раненыхъ былъ я—начальникъ отряда; при этомъ мы должны помнить, что развѣдывательная часть должна жертвовать всѣмъ для выполненія задачи».

18-го мая. За ночь донесеній отъ Крицевскаго не поступало, а потому въ обычный часъ мы выступили на Хамхынгъ, отложивъ надежду встрѣтить врага.

Только мы стали вытягиваться въ колонну, какъ со стороны Хонгуона прибѣжалъ къ намъ корейскій мальчишка лѣтъ 15-ти и ломаннымъ русскимъ языкомъ сталъ убѣждать насъ, что въ г. Хонгуонъ, который оставался въ верстахъ въ 1½ позади нашего бивака, пришли 15 японскихъ солдатъ и что какія-то суда, повидимому, японскія, прошли ночью по направленію къ Пукчену.

Приказавъ 47-й сотнѣ осмотрѣть гор. Хонгуонъ, я направилъ головной отрядъ на перевалъ Хонгарьенгъ, а 45-ю сотню съ вьюками отряда въ укрытое мѣсто между Хонгуономъ и Хонгарьенгомъ. Болѣе часу пришлось 47-й сотнѣ осматривать городъ, но поиски оказались тщетными: никакихъ слѣдовъ пребыванія въ немъ японцевъ не было; встрѣтили мы только нѣсколькихъ корейскихъ солдатъ, пришедшихъ, по ихъ словамъ, изъ Пукчена. Потерявъ напрасно время, мы пошли дальше.

По сторонамъ дороги тянутся рисовыя плантаціи. Мы стали ихъ встрѣчать, начиная еще отъ Кильчжю, и по мѣрѣ нашего движенія на югъ площадь, занимаемая ими, замѣтно увеличилась. Въ связи съ этимъ довольствіе отряда стало представлять все меньше затрудненій: на пути мы встрѣтили много городовъ, въ которыхъ мы всегда находили скотъ, вполне пригодный для убоя, рисъ и чумизу для людей и буду, чумизу, солому, а подходя къ Хамхыngu также овесъ для лошадей. Кромѣ того, можно было всегда получить куриць, яйца, груши и коки—особый родъ фруктовъ, нѣсколько напоминающихъ винныя ягоды.

Подъѣзжая къ мѣсту ночлега, мы узнали отъ Крицевскаго, что онъ, пройдя благополучно перевалъ Хонгарьенгъ, прибылъ въ Хамхынгъ еще ночью, гдѣ захватилъ два телеграфныхъ аппарата, большую корреспонденцію и станцію, богато снабженную запасными элементами, изоляторами и большимъ количествомъ проволоки, но телеграфныхъ чиновниковъ разъѣздъ уже не засталъ на мѣстѣ.

¹⁾ Въ 16 верстахъ за г. Хонгуономъ.

Вмѣстѣ съ Крищевскимъ и переводчикомъ я сталъ разбирать корреспонденцію, въ которой нашлись не только телеграммы на корейскомъ языкѣ, но также на японскомъ и англійскомъ. Въ нѣкоторыхъ депешахъ въ Гензанъ изъ Кіуона, Херіена, Кильчжю, Шенгджина ¹⁾, Пукчена передавались свѣдѣнія о движеніи нашего отряда, причѣмъ сила его всюду была преувеличена. Изъ той же корреспонденціи и опроса мѣстныхъ жителей мы нашли подтвержденіе словъ Хонгуонскаго полиціймейстера о пребываніи въ Хамхынгѣ корейскихъ солдатъ изъ Пеньяна, ушедшихъ 13-го мая въ Гензанъ, причѣмъ жители утверждали, кромѣ того, что вмѣстѣ съ 400 корейскихъ солдатъ было около 200 японскихъ, и что въ гор. Ионуонѣ имѣется гарнизонъ въ 500 японцевъ.

Сверхъ того корейцы говорили, что за три недѣли до нашего прихода въ деревнѣ у Хамхынга расположились на одну ночь 140 русскихъ казаковъ, которые, не получивъ отъ корейской администраціи продовольствія, сожгли эту деревню, равно какъ и мостъ, соединявшій ее съ городомъ, и ушли въ Чанчжинъ.

Приказавъ телеграфные аппараты и элементы испортить, изоляторы разбить и проволоку закинуть въ рѣку, я принялъ явившагося ко мнѣ на бивакъ губернатора Хамхынга (въ сущности, провинціи—южный Хамгюндон). Губернаторъ оказался предупредительнымъ и распорядительнымъ относительно доставки всѣхъ необходимыхъ для отряда продуктовъ, но на мои вопросы о японскихъ и корейскихъ войскахъ онъ отговаривался незнаемъ. Въ виду очевидной лжи, я пригрозилъ ему довольно сурово, указавъ на то, что я имѣю уже много свѣдѣній. Губернаторъ, подтвердивъ все известное мнѣ, расплакался и сталъ жаловаться на свое тяжелое положеніе: «Японцы», говорилъ онъ,—«требуютъ, чтобы я исполнялъ только ихъ приказанія, приходятъ русскіе и требуютъ обратнаго; японцы строго приказали мнѣ ничего про нихъ не говорить вамъ».

В. Апанкевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Очевидно, депеши эти доходили до Пукчена почтой и только оттуда по телеграфу.